

Викентий Вересаев

На пожарище

Викентий Викентьевич Вересаев

На пожарище

**Серия «Невыдуманнные
рассказы о прошлом»**

Аннотация

«Уже в начале августа иногда бывает: солнце печет, а в тени холодно, ночи же – совсем студены. Под вечер я был в Занине. Неделю назад оно сгорело. Перед тем долго была сушь и жара, народ весь был в поле, загорелось днем при сильнейшем ветре. В полчаса всю деревню как слизнуло языком...»

Викентий Вересаев

На пожарище

Уже в начале августа иногда бывает: солнце печет, а в тени холодно, ночи же – совсем студёные. Под вечер я был в Занине. Неделю назад оно сгорело. Перед тем долго была сушь и жара, народ весь был в поле, загорелось днем при сильнейшем ветре. В полчаса всю деревню как слизнуло языком.

Стояла деревня на обоих отлогих склонах лощины. Теперь это было широкое пространство, ровное, как ток, усеянное мелким пеплом, и только закопченные печи стояли горбатыми уродами. Сзади – ивы и березы с рыжею, сморщившеюся листвою. В гору – конопляники, тоже вначале рыжие, обгорелые. На маху несколько уцелевших риг. Из ручья торчат обгорелые столбы моста. Плотины тоже сгорели, пруд убежал.

У сложенной из кирпичей печурки – сухая старуха в рваной ситцевой юбке и кацавейке, со слезящимися глазами, молодая девка и двое мальчиков. В котелке что-то кипит.

– Хлеб вы уже убрали?

Старуха ответила громким, равнодушным голосом:

– Убрали, свезли – и пожгли!

Я с недоумением огляделся.

– Где же вы теперь живете-то?

– В риге дрожим. Ночи-то холодные, одежда вся погоре-

ла, подостлать нечего, покрыться нечем. Лежим друг возле дружки и дрожим!

Говорила она все так же громко и равнодушно, поучающим голосом, как будто читала лекцию. Подошел мужик с русой бородой, в серой поддевке.

– Отчего загорелось?

Мужик ответил:

– Кто ж его знает!

А старуха сказала:

– Шпитонок, говорят, – значит, из воспитательного дома, – стал ребятам показывать, как пчел выкуривают.

– Ну, бабы болтают, – тоже, верить им! Одна мелет, другая подлыгает.

Говорил он тоже спокойно, с легкой усмешечкой.

– Страховку вы получите?

– Ну, как же! Получим! Богато получим, – от сорока до восьмидесяти рублей! А у Семибратова купить, – один сруб семьдесят два рубля стоит. А погорело-то ведь все, – колеса, хомуты, одежда, телеги, сани, – лошадь обротать нечем! Прольешь – не подгробешь. Все ведь новое надо заводить.

Подошло еще несколько мужиков.

– Ну, а бочки, багры, – это все у вас было?

Первый мужик ответил:

– Самое это, я вам скажу, пустое дело – багры! Ведра, – больше ничего не надо.

– Почему?

– А потому. Моя вон изба: всю ее баграми растащили. Заплатить мне за нее ничего не заплатят, – не сгорела, а чем мне лучше, нежели другим? Все побили, все поломали, порвали...

– Так ведь из леса опять можно избу сложить.

– Как ее сложишь? – заметил другой.

А первый продолжал:

– Изба-то ведь жилая была, гнилая, – тронули, и рассыпалась! Эх, бра-ат!.. Вот теперь и иди по миру, ни копейки ведь мне штрафовки не дадут.

Постепенно он начинал говорить все взволнованнее, губы запрыгали, на глазах выступили слезы.

– Я на багор ругаюсь, – зачем инструмент этот такой вредный! Пускай уж, гори все подряд! Пропадай пропадом! Зачем же они мне жизнь мою изломали?!.

И из груди его вырвалось короткое, глухое рыдание.

Подошедшие мужики стали рассказывать про пожар:

– Горело так, что в Марьине было жарко стоять. Из губернии запрос: «Что там такое жарко так горит?» И телеграммы об нас: «Занино! Занино!» Так со всех сторон и забирало. Прибежали с поля, бросились спасать, – куда тебе! Вихорь так и рвет, так и крутит, – со всех сторон охватило. Только и выходу, что к пруду. Так было жарко – вода в пруде закипала. Сундук в воду бросили, – он плавает, а верх горит. Одна баба сгорела, другую, в огне всю, бросили в пруд, чуть не утопла. На другой день в Ненашеве в больнице умерла, от ожогов.

Третий сказал:

– Ну да! Ведь свое добро, – жалко! Лезет баба в избу, кругом все горит, волосы на ней трещат, а она вот так рукой заклонится и тащит сундук.

– Много все-таки спасли?

– Куда там! Дай бог самим было живу уйти!

Первый мужик – опять совсем уже спокойный – сказал, смеясь:

– Вбежал я в пруд, кричу: «Дядя Матвей, ведь ты горишь!» А он мне: «Да ведь и ты горишь!» Хвать – ан вправду картуз на голове горит! И оба мы с ним в картузах – нырк в воду!

В холодавшем воздухе стоял дружный смех.

1940